

Глава 12

Пятнадцатый лот в итоге ушел за три миллиона. В тот момент, когда аукционный молоток огласил финал торгов, Сун Цзинчэнь бросил на Цинь Ли нежный, исполненный благодарности взгляд.

— Спасибо тебе, Сяо Ли, — негромко произнес он.

Цинь Ли лишь сдержанно кивнул, не став развивать тему.

Чэн Муюнь, наблюдавший за этой трогательной сценой со стороны, тоже пребывал в отличном расположении духа. Стоило молотку коснуться подставки, как в его сознании раздался знакомый сигнал Системы:

[Поздравляем!]

[Степень восстановления сюжета достигла 50%.]

[Победа уже близко, так держать!]

Это приподнятое настроение не покидало его и во время фуршета, последовавшего за официальной частью.

Чэн Муюнь провел на приеме лишь немного времени, выбрав для себя позицию, которая не была центром внимания, но и не позволяла ему окончательно скрыться из виду. Коммерческие интриги и светская болтовня его мало интересовали. Раз уж он представлял компанию, ключевой фигурой здесь был Цинь Ли, а скромный ассистент мог позволить себе остаться в тени.

Президент Цинь тем временем оказался в плотном кольце гостей. Он дежурно улыбался, поддерживая светский диалог, однако между его бровей залегла едва заметная складка. Проведя рядом с ним столько лет, Муюнь с первого взгляда понял: терпение босса на исходе.

Несмотря на годы в бизнесе, Ли так и не научился чувствовать себя в подобных кругах как рыба в воде. Раньше все острые углы сглаживал Чэн Муюнь, ловко ведя переговоры и отвлекая на себя лишнее внимание, но теперь...

Теперь юноше было попросту лень.

В конце концов, разве рядом нет Сун Цзинчэня? Чэн Муюнь, в его амплу идеального помощника, готовился уйти со сцены, так что Цинь Ли пора было привыкать обходиться своими силами.

Он взял с подноса бокал с газировкой и, сделав глоток, принялся наблюдать за Цзинчэнем. Тот, кажется, вполне освоился и даже вставлял уместные реплики в общий разговор.

«Надо же, как старается»

Система тут же подала голос:

«Ну и как ощущения? Вид того, как твое законное место рядом с Цинь Ли занимает кто-то другой, пробуждает в тебе ревность и досаду?»

«...Ты в порядке? Головой не билась?»

«Понимаешь, — продолжила Система, — после предыдущих инцидентов отдел программирования провел экстренное обновление моего интеллектуального модуля. Теперь, помимо выдачи заданий, я должна помогать тебе лучше вживаться в образ».

— О как? — Чэн Муюнь иронично усмехнулся. — Премного благодарен за такую заботу.

Системе стало не по себе от его тона, и она предпочла замолчать. Юноша, впрочем, не стал развивать тему, а мысленно добавил:

«Я вот думаю: таких преданных делу "замен", как я, еще поискать надо. Я ведь не просто уступаю место, я провожу для своего благодетеля сеанс десенсибилизации. Может, мне стоит в оставшееся время еще сильнее копировать манеры Сун Цзинчэня, чтобы Цинь Ли было проще адаптироваться?»

«Ты... только не натвори глупостей».

«Вовсе нет, ты не понимаешь. Это идеально вписывается в мой образ. Чэн Муюнь без памяти любит Цинь Ли. Когда возвращается "белый лунный свет" и назревает кризис, он в отчаянии идет на крайние меры — например, пытается стать еще более совершенной копией оригинала».

Чем больше Муюнь об этом думал, тем логичнее ему казалась эта затея. Его взгляд приковался к сопернику.

Он начал пристально изучать каждое движение Цзинчэня: от изгиба губ при улыбке до мельчайших жестов во время разговора.

Позиция Муюня в тени была достаточно удачной, чтобы ни Цинь Ли, ни Сун Цзинчэнь его не заметили. Однако он привлек внимание кое-кого другого.

Юй Шаонин, закончив беседу со знакомым, потерял ассистента из виду. Отправившись на поиски, он обнаружил юношу в темном углу, неотрывно смотрящим на президента, стоявшего в свете софитов.

Из-за полумрака лица Муюня было не разглядеть, но Шаонину тут же вспомнились его покрасневшие глаза и потерянный вид на парковке.

Он непроизвольно подошел ближе и тихо спросил:

— Ассистент Чэн, на что вы так смотрите?

Чэн Муюнь, увлеченный анализом поведения и мимолетным любованием парой Цинь Ли и Цзинчэня, совершенно не ожидал, что кто-то подкрадется сзади. Он вздрогнул от неожиданности.

Впрочем, быстро осознав, что это Шаонин, он мгновенно вошел в роль:

— Смотрю на господина Суна. Пытаюсь понять, что же в нас общего.

Юй Шаонин нахмурился, чувствуя глухое раздражение:

— Вы — это вы, он — это он. Между вами нет ничего общего.

Он лишь спокойно улыбнулся, глядя куда-то вдаль:

— О нет, я это вижу. Прежний я действительно был очень похож на него.

«Еще бы не быть похожим. Игровые настройки — вещь упрямая»

Когда Чэн Муюнь только поступил в университет, он во всем копировал Цзинчэня: от стиля одежды до манеры смеяться. Но с его появлением в этом мире всё пошло не по плану. Вместо того чтобы стать домашним «цветочком», он превратился во всемогущего ассистента. А в этом амплу старый образ был уже неуместен.

Ему пришлось осознанно меняться: одежда, мимика, контроль над эмоциями — годы в бизнесе стерли всякое внешнее сходство между ними.

Юй Шаонин, не зная этих тонкостей, терзался сочувствием. Ему было невыносимо видеть Муюня в таком состоянии. В голове директора созрел план. Схватившись за живот, он страдальчески скривился:

— Ой... кажется, желудок прихватило. Ассистент Чэн, не могли бы вы проводить меня до дома?

Юноша наконец перевел на него взгляд. Несколько секунд он молча изучал Шаонина, после чего кивнул:

— Хорошо.

На парковке у Муюня зазвонил телефон. Это был Цинь Ли.

— Ты где? — раздался в трубке резкий голос.

Чэн Муюнь невозмутимо выдал заготовленную ложь:

— У директора Юя разболелся желудок, я везу его домой.

Оправдание было железным.

— С каких это пор у Юй Шаонина проблемы с желудком? Почему я об этом не знаю? — с подозрением спросил президент.

Муюнь мысленно закатил глаза:

— Не знаю, может, из-за переутомления на работе...

Он не успел договорить — Шаонин внезапно издал такой нарочито мученический стон, что тот наверняка долетел до ушей Цинь Ли.

— Президент Цинь, извините, мне пора. Я позабочусь о директоре Юе, — Муюнь поспешно нажал отбой.

Когда они подошли к машине, он уже потянулся к водительской двери, но Юй Шаонин преградил ему путь.

— Давай я поведу. Я сегодня не пил.

Муюнь окинул его скептическим взглядом:

— У тебя же вроде желудок болел?

Шаонин широко улыбнулся, демонстрируя ряд белоснежных зубов:

— Знаешь, странное дело. Как внезапно прихватило, так же быстро и отпустило.

Глядя на эту неприкрытую наглость, Чэн Муюнь не сдержал улыбки. Он лишь покачал головой и, не став спорить, обогнул машину и сел на пассажирское сиденье.

Какое-то время они ехали в молчании. Юй Шаонин на светофорах украдкой поглядывал на спутника. Чувство вины в нем крепло. Он начал ловить себя на мысли, что возвращение Сун Цзинчэня вовсе не такое уж благо, как он думал раньше. Реакция ассистента на приеме не давала ему покоя.

Шаонин решил, что сейчас Чэн Муюню категорически нельзя возвращаться в пустой дом.

— Ассистент Чэн, давай выпьем где-нибудь? Я угощаю... Считай это извинением за моё прежнее отношение.

Муюнь повернулся к нему. Лицо Шаонина было наполовину скрыто тенью, и его привычный образ простоватого парня сменился чем-то более зрелым. Пиджак был брошен на заднее сиденье, рукава рубашки закатаны до локтей, а руки на руле казались сильными и надежными.

Юноша пристально смотрел на него несколько секунд, прежде чем ответить:

— Идем.

Больше он не проронил ни слова, уставившись в окно на пролетающие мимо огни неона. Оба молчаливо согласились не вспоминать про «боли в желудке», погруженные каждый в свои думы.

«Система, что скажешь?» — поинтересовался Муюнь в мыслях.

«Ты... ты только успокойся! — запаниковала Система. — Юй Шаонин — важный персонаж второго плана, у него еще много сцен впереди. Не смей с ним ничего затевать, иначе всё полетит к чертям!»

«...Какая же ты испорченная, — вздохнул Муюнь. — Я вообще-то про образ спрашивал. Как я отыграл? Может, стоит внести это в базу данных для симуляции?»

«...Я ничего не поняла».

Муюнь терпеливо пояснил:

«Глупое дитя, ваши сценарии слишком топорные. Разве для "убитой горем замены" не естественно — не хотеть возвращаться в дом, где всё напоминает о тех двоих, и отправиться заливать горе в кабак? Даже Шаонин оказался сообразительнее тебя».

Система притихла, обдумывая его слова, но под конец всё же выдала:

«Пить и водить нельзя. Как ты вернешься?»

«Для этого существует трезвый водитель»

Муюнь окончательно убедился, что его Система — вершина цифрового скудоумия.

Когда трезвый водитель развез их по домам, на часах было начало третьего ночи.

Муюнь расплатился и проводил взглядом уезжающую машину. Он не спешил заходить. Дом встретил его непроглядной тьмой — ни в одном окне не было и намёка на свет. Непонятно было, вернулись ли Цинь Ли и Сун Цзинчэнь.

Впрочем, юноше было всё равно. Чужой праздник его не касался, ему нужно было лишь отыграть роль страдальца. Перед тем как выйти из машины, он взглянул в зеркало и заставил свои губы изогнуться в улыбке — точной копии улыбки Сун Цзинчэня. Материал, собранный на фуршете и вытянутый из Шаонина за выпивкой, не прошел даром.

Идеально. Образ замены, пытающейся скопировать оригинал, был взят.

Он толкнул дверь. В прихожей было холодно и пусто. Муюнь снял очки и не глядя положил их на тумбу. Прищурившись, он направился к лестнице, не утруждая себя включением света. Но стоило ему подойти к ступеням, как из темноты раздался голос:

— И где ты был?

Муюнь вздрогнул от неожиданности и обернулся. В тот же миг зажегся торшер в гостиной. В тусклом свете он узнал силуэт Цинь Ли.

— ... — Юноша подавил тяжелый вздох и подошел к дивану.

Стоило ему приблизиться, как в нос ударил резкий запах спиртного. Неужели Ли напился? С

чего бы вдруг? Приемы после благотворительных вечеров — сплошная формальность, там никто не пьет до такого состояния.

Муюнь нахмурился и мягко произнес:

— Ты пьян. Давай я помогу тебе подняться и умыться.

— Я спросил: где ты был? — Цинь Ли проигнорировал его слова.

Муюнь знал эту его особенность: в нетрезвом виде президент превращался в заклинившего робота — пока не получит ответ на один вопрос, к следующему не перейдет.

— Выпивал, — бросил ассистент, решив не церемониться.

— С Юй Шаонином?

Цинь Ли прищурился, глядя на него, и вдруг невпопад приказал:

— Улыбнись.

Муюню меньше всего хотелось возиться с пьяницей, но тут он вспомнил про свою новую «улыбку». Идеальный шанс для теста. Цинь Ли всё равно наутро ничего не вспомнит, так почему бы не проверить, насколько хорошо он усвоил урок?

С этой мыслью Чэн Муюнь уставился прямо в глаза Ли и медленно, одними уголками губ, выдал ту самую улыбку.

Это было словно искра в пороховом погребе. Цинь Ли внезапно вцепился в его одежду и с силой повалил на диван. Мир перевернулся. Тяжелое, пышущее жаром тело прижало его к подушкам. Он попытался оттолкнуть его, но президент перехватил руки и прижал их над головой. На Муюня обрушился яростный, властный поцелуй — сплетение языков, вкус чужого дыхания.

— М-м...

Муюнь почувствовал неладное. От одежды Цинь Ли разлило алкоголем, но во рту не было ни капли спиртного. Юноша нахмурился, не имея возможности пошевелиться, и позволил чужому языку хозяйничать в своем рту. Когда губы уже начали неметь от настойчивых ласк, он окончательно убедился.

Цинь Ли был абсолютно трезв.

Но процесс уже стал необратимым. В Муюне тоже вспыхнуло ответное пламя. Пиджак полетел на пол, пуговицы рубашки с треском поддались под нетерпеливыми пальцами. Юноша хоть и не был пьян, но алкоголь ослабил его самоконтроль. Он уже отчетливо чувствовал жесткое давление между бедер.

Одежда ассистента уже была в полном беспорядке, в то время как виновник торжества всё еще оставался в своем безупречном костюме-тройке. Это вызвало у Муюня глухое раздражение. С трудом оторвавшись от поцелуя, он выдохнул:

— Снимай...

Движения на миг замерли. Цинь Ли чуть отстранился, убеждаясь, что Муюнь не злится, после чего приподнялся, упираясь коленом в диван, и начал раздеваться.

Юноша наблюдал за ним сквозь прищуренные веки. В неярком свете лампы рельеф мышц казался еще отчетливее — само воплощение искушения. Он всегда был падок на красоту, будь то лицо или тело. А Цинь Ли был словно изваян богами, совершенен от макушки до пят.

Красота дурманила.

Ли, казалось, знал об этой слабости партнера. Он не спешил, расстегивая пуговицы медленно, почти вызывающе. Первая, вторая... ключицы... грудь...

Муюнь протянул руку, желая коснуться кожи...

Щелк.

Зал залило ярким светом. Со стороны лестницы донесся тихий вскрик. Чэн Муюнь повернул голову и увидел стоящего у ступеней в пижаме... Сун Цзинчэня.

— ...

— ...

К удивлению Муюня, Цинь Ли лишь мазнул по гостю холодным взглядом и снова припал к его губам, намереваясь продолжить, словно Цзинчэня здесь и не было.

Юноша, несмотря на пикантность ситуации, сохранял спокойствие. Он уже решил, что раз их прервали, то это отличный повод закончить, но поведение президента его ошарашило.

«Цинь Ли, я был о тебе лучшего мнения... Неужели ты настолько лишен стыда?»

Нет. В голове Муюня, затуманенной до этого страстью, молнией пронеслась догадка.

Сюжет! Точно. В сценарии упоминалось, что после ссоры на благотворительном вечере Цинь Ли и Сун Цзинчэнь разойдутся в плохом настроении. Вернувшись домой, Ли демонстративно смягчит свое отношение к «замене», что заставит Цзинчэня терзаться ревностью и осознать свои чувства.

Неужели это и есть то самое «смягчение»?

«Система, разве в сценарии были такие интимные подробности? Метод Цинь Ли кажется мне, мягко говоря, перебором».

Система, выбравшись из цифровых помех, отозвалась:

«Не имею понятия, цензура такие детали не пропускает. Просто придерживайся роли».

«Понял».

Переговоры заняли доли секунды. Чэн Муюнь уперся ладонями в грудь Цинь Ли, не давая ему снова навалиться всем весом, и нахмурился:

— Что это значит?

Цинь Ли замер, его голос звучал хрипло и низко:

— В чем дело?

— Не знал, что ты любишь работать на публику. Специально это устроил? — в голосе Муюня звучала скрытая горечь, сдобренная изрядной порцией яда.

Президент наконец пришел в себя. Ярость и желание, туманившие его разум, начали отступать. Он провел ладонью по лицу и поспешно запахнул одежду на ассистенте.

— Прости. Я сорвался.

Чэн Муюнь грубо оттолкнул его руки. Быстро застегнув пуговицы, он смерил Ли холодным взглядом и поднялся. Проходя мимо лестницы, он на мгновение задержался рядом с Сун Цзинчэнем.

— Господин Сун, прошу прощения за это зрелище, — ровным тоном произнес Муюнь.

И, не дожидаясь ответа, он спокойным шагом поднялся вверх.

<http://bllate.org/book/15360/1416876>